

О КОГНИТИВНОЙ ПРИРОДЕ МЕТАФОРЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

(на материале французского языка)

С.А. Моисеева, докт. филол. наук, И.А. Волошкина, канд. филол. наук (Белгород)

Данная статья посвящена выявлению источников образования метафоры, раскрытию её когнитивной природы и особенностей метафорической репрезентации знаний о реальном мире во фразеологических единицах французского языкового пространства.

Ключевые слова: когнитивная природа метафоры, семантика, фразеологическая единица, фразеологическая картина мира.

С.А. Моїсєєва, І.А. Волошкина. Про когнітивну природу метафори в просторі фразеологізму (на матеріалі французької мови). Дана стаття присвячена виявленню джерел утворення метафори, розкриттю її когнітивної природи і особливостей метафоричної репрезентації знань про реальний світ в одиницях фразеологізмів французького мовного простору.

Ключові слова: картина фразеологізму миру, когнітивна природа метафори, одиниця фразеологізму, семантика.

S.A. Moisseva, I.A. Voloshkina. On cognitive metaphor in phraseological space (on the French material). This article deals with the revealing of the metaphorical sources, the uncovering of cognitive nature of metaphor in phraseological picture of the world, the particularities of metaphorical representation of the knowledge about the real world.

Key words: cognitive nature of metaphor, phraseological unit, phraseological picture of the world, semantics.

Цель данной статьи – выявление когнитивной природы метафоры в пределах фразеологической картины мира. В качестве объекта исследования выбраны французские фразеологические единицы, предметом изучения выступает метафорическая трансформация семантики исходных словосочетаний в семантику единиц качественно нового уровня. Материалом для исследования послужили французские толковые, фразеологические словари и произведения художественной литературы.

На современном этапе развития лингвистики проблема соотношения мышления и языка, берущая свое начало еще в трудах В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, А. Потебни, не теряет своей актуальности в связи с возрастающим вниманием ученых к изучению особенностей воспроизведения в языке знаний, полученных человеком из окружающего мира. Неоспоримой является мысль о том, что язык представляет собой ретрансляцию исторического развития че-

ловека, его психической и умственной деятельности, опыта постижения действительности, овладения складывающимися социальными отношениями.

Когнитивная деятельность человеческого сознания сопряжена с «ухватыванием» и установлением смысла, имеющего ценностно-информационную значимость, в языковом выражении. Усвоение новой информации о мире осуществляется на базе ранее полученной. Одной из форм когнитивной деятельности сознания, которая формирует и выражает новые понятия, без которой невозможно получение нового знания, является метафора.

Языковое сознание любого народа является воплощением народного миропонимания. Многообразие форм соотношения объектов находит свое отражение во всех сферах языка. Безусловно, в языковых средствах, образующих языковую картину мира, заключены различные когнитивные категории, лежащие в основе человечес-

кого мышления. Несмотря на универсальность видения мира представителями разных культур, он (мир) своеобразно понимается каждым народом, что детерминировано специфичными формами его восприятия. Национальное своеобразие языка выявляется в результате исследования фразеологической картины мира, так как она является компонентом мировидения этноса, совокупностью особенностей общенациональных знаний о мире.

Фразеологическая единица (ФЕ) представляет собой комплексное сочетание слов, обладающее фиксированным лексико-грамматическим составом, валентными связями и устойчивым соотношением семантической структуры. Фраза, пренебрегая общими закономерностями организации высказывания, воспроизводится в речи в готовом виде и приобретает косвенно-номинативное значение. По мнению лингвистов (В.Г. Гак, Ю. А. Гвоздарев, В.П. Жуков, А.И. Молотков, Ю.П. Солодуб, Т.М. Филоненко и др.), фразеологические единицы, построены на основе исходных словосочетаний, определяющихся как: 1) свободное сочетание слов, отражающее реальные, логически оправданные связи вещей и явлений действительности, реализующее нормативные грамматические и лексико-семантические валентные связи компонентов [13, с. 68], например: *le renard cache sa queue* ‘лис прячет свой хвост’ (действие животного) и ‘он мастер замечать следы’ (хитрый человек); *blanc bec* ‘белый клюв’ (о птенец) и ‘желторотый птенец; молоко-сос’ (о неопытном молодом человеке); *sortir blanc* ‘выходить чистым’ и ‘сохранить незапятнанную репутацию’; 2) несвободное сочетание слов, отражающее нарушение реальных связей предметов и явлений действительности, построенное на несоблюдении нормативной лексико-семантической валентности компонентов [13, с. 69], например, *coudre la peau du renard avec celle du lion* (букв. – ‘сшить кожу лиса с кожей льва’) ‘сочетать хитрость с храбростью’; *chercher midi à quatorze heures* (букв. – ‘искать полдень в четырнадцать часов’) ‘искать невозможное, попусту ломать себе голову; перемудрить’; *faire la*

touche du coche (букв. – ‘делать из мухи карету’) ‘преувеличивать свои заслуги; во все вмешиваться; суетиться без толку’. Сущность процесса фразеологизации состоит в семантической трансформации исходных словосочетаний в единицы нового уровня, обладающие целостным переносным значением.

Фразеологической может называться языковая единица, в процессе образования которой задействован ментальный субстрат, включающий презумпцию изотопии [5, с. 31]. Изотопия, следуя теории А.-Ж. Греймаса, есть связь значений, из которых проистекает новое значение [20, с. 53], а презумпция изотопии, согласно Ф. Растье [10], позволяет актуализировать некоторые семы входящих во фразеологические единицы лексем, являясь причиной и целью данной единицы как элемента речемыслительной деятельности. Презумпция изотопии приводит к изменению семантической валентности слов-компонентов по причине переосмысления этносом атомарного факта экстралингвистической действительности, выраженного атомарным словосочетанием (ACC) [5, с. 19]. Специфика формирования значения ФЕ представляет собой процесс, заключающийся в: 1) семантической модификации исходного словосочетания со свойственной ей интенцией передать комплекс смыслов, объединенных в смысловое целое; 2) экстралингвистической деятельности человека, связанной с субъективным способом видения мира и отражения его посредством языковых образов. Например, человек обратил внимание на то, что старое животное подобно пожилому человеку, обладает накопленным за всю его долгую жизнь опытом, а образ лисы как нельзя лучше подходит для описания хитрого человека. Так, в человеческом сознании установилась связь между атомарным фактом *vieux renard* ‘старый лис’ и устойчивым языковым выражением, манифестирующим отношение к изворотливому, плутоватому человеку, с актуальным значением ‘проныра’. Факт экстралингвистической действительности *couper un cheveu en quatre*, где слово *quatre* в данном контексте обозначает неопределенное количе-

ство, а всё выражение – ‘резать волос на множество частей’ передает смысл ‘быть до мелочей последовательным и принципиальным по отношению к кому-л. или чему-л., актуализируя значение ‘проявлять излишнюю щепетильность’. Таким образом, значение фразеологизма отражает обобщенно-целостное обозначение с прикрепленным к нему субъективным осмыслением факта экстралингвистической действительности.

Фразеологизмы относятся к языковым средствам, заключающим в себе логическое отражение мира в сознании человека. Они приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с фрагментами картины мира, подразумевая единую дескриптивную ситуацию, оценивая ее, выражая отношение к ней. Еще более полувека назад В.Л. Архангельский указывая на ценность фразеологизмов как самостоятельных языковых знаков, в частности, обратил внимание на роль образности: «Фраземные знаки представляют собой самостоятельные духовные ценности. Подобно рычагам, они содействуют образности и убыстрению мышления» [3, с. 8]. Фразеологизмы способны вызывать в сознании человека перекрещивающиеся образные ассоциации, возникающие в результате тесного взаимодействия отдельного фрагмента мира, находящего знаковое выражение, и всего объема знаний о мире. Следовательно, во фразеологизме взаимодействуют две картины мира: когнитивная, как сумма знаний, накопленных в процессе исторического развития человека и своеобразно складывающаяся в его сознании в определенную систему, и языковая, позволяющая адекватно материально выражать приобретенные знания. Так, представление о бездельнике во французском языковом сознании вызывает разные образы, передаваемые посредством устойчивых выражений: *pareseux comme une couleuvre* ‘ленивый как уж’, *homme de loisir* ‘бездельник, любящий праздность’, *avoir une flémingite aigüe* ‘быть страшно ленивым’ *avoir la flème* ‘лениваться, медлить, мешкать’, *tirer sa flemme* ‘бить баклуши’, *refouler au travail* ‘гонять лодыря’, *travailler comme un sabot*

‘лодырничать’, *ne pas se faire des ampoules / aux mains* ‘не запачкать рук: палец о палец не ударить’; *il fera jour demain* ‘завтра тоже будет день’. Кодирующая часть фразеологизма, или её текстовая форма, заключает в себе имплицитный смысл, передающий наивное осмысление этносом того или иного понятия.

Фразеологизм предполагает возможность извлечения эксплицитного смысла из имплицитного. Процесс извлечения имеет свои особенности, которые являются следствием семантического структурирования и смыслового преобразования отдельных фразеологизмов и всего устойчивого выражения в целом. Причем, имплицитность заключается в самом тексте фразеологизма, которая тем самым представляет наивную картину мира, эксплицитность же обнаруживается в его актуальном значении, содержащем прагматический смысл. Имплицитная информация может декодироваться в процессе: а) семантического анализа одной фразеологизмы; б) семантического анализа всего выражения; в) этимологического анализа фразеологизма.

Признак объекта переносится в значение ФЕ в результате метафорической или метонимической модификации одной фразеологизмы. Например, во фразеологизме *homme en baudruche* ‘пустой человек’ имплицитный признак «несерьезный» фразеологизмы *baudruche* со значением ‘*pellicule provenant de l'intestin de bœuf ou de mouton et qui sert à recouvrir ou à fabriquer divers objets*’ [26, р. 96], «внедряясь» в семантику фраземы, наделяет её семой «бессовестный». В идиоме *homme de carton* ‘ничтожество’ фразеологизмы *carton* – ‘*matière assez épaisse, faite de pâte à papier*’ [26, р. 150] приобретает семы «фальшивый», «ничтожный», и позволяет выявить значение этого выражения – «человек, не вызывающий уважения».

Имплицитная информация выявляется в результате семантического анализа всего выражения, представляющего собой фразеологизмы сочетания или фразеологизмы единства. Например, в идиоме *délicat et blond* ‘а) изнеженный, белоручка; б) излишне разборчивый, привередли-

вий» лексема *délicat* имеет значение «*qui est doué d'une grande sensibilité*» [25, р. 278], а лексема *blond* означает «*qui a les cheveux blonds*» [2, р. 109] и коррелирует с представлением о человеке из высшего общества. Анализ фразеолекс данной фраземы позволяет выявить семы фразеологизма «избалованный», «претенциозный». В ФЕ *ménager ses mots* «взвешивать каждое слово» анализируем компоненты *ménager – dire avec mesure, avec économie* [25, р. 660], и *mots – phrase, parole* [25, р. 686], в результате во фразеологическом обороте определяем сему «рассудительность».

Имплицитная информация выявляется в процессе этимологического анализа фразеологизма. Например, в ФЕ *être le dindon de la farce* «остаться в дураках, быть в глупом положении» обнаруживаются имплицитный смысл «растерянность», «нерешительность». Этимологический анализ показывает, что происхождение ФЕ связано с изображением в средневековых комедиях-фарсах доверчивых отцов по прозвищу *pères dindons* (букв. – отцы-индюки), которых высмеивали и дурачили избалованные сыновья. Отметим, что индюки во французской этнокультуре издавна считаются олицетворением глупости.

Языковой образ в идиоматике – это продукт «наглядного обобщения» и отбора культурно значимых событий и ситуаций, который формирует образную картину или иначе говоря фразеологический образ, на фоне которого целостное обобщенно-переносное значение фразеологизма воспринимается как метафорический дериват [13; 14].

Лингвистические исследования показывают, что **метафора** является одной из наиболее продуктивных способов формирования вторичных наименований, или фразеоединиц [4; 15]. «Сила метафоры <...> – в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в прагматической значимости метафорической концептуализации мира» [17, с. 36]. Метафора – это базис для совмещения ментальных пространств говорящих. Идею «смещения» ментальных пространств

обозначил А. Ричардс, отмечая, что «когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одно-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [11, с. 46]. Основатели теории смешения М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу, что метафоризация не исчерпывается проекцией из «сферы-источника» в «сферу-мишень», а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения [28; 29]. Работу мысли приводит в динамическое состояние модуль фиктивности, лежащий в основе метафоры, который позволяет уподоблять логически несопоставимые и онтологически несходные сущности и обеспечивать «фиктивное» восприятие «буквального» значения, вызывающее образно-ассоциативное представление.

Метафора выступает средством познания реального мира. Она представляется таким способом мышления, который использует прежде добытое знание, открывает «эпистемический доступ» к понятию. По мнению Дж. Лакоффа, «метафора – это основной механизм, с помощью которого не только осознаются абстрактные концепты, но и создается возможность абстрактно мыслить». Согласно предположению Дж. Лакоффа местоположение метафоры вовсе не в языке, но в той траектории, которая возникает в нашем сознании, когда мы концептуализируем одну мыслительную сферу в терминах другой. Определить ту или иную метафору – это значит охарактеризовать эту мыслительную операцию процелирования [22].

Метафора формируется посредством связывания между собой двух разных областей, одна из которых имеет отношение к конкретным, а другая – к абстрактным ощущениям и понятиям [22]. Соизмеряя разные сущности, метафора формирует на их основе новый гносеологический образ, синтезирует в нем признаки тех или иных

сущностей, что позволяет получить «на выходе» новые смыслы, а соответственно и новые понятия, и новые значения [8, с. 66]. Как отмечал Дж. Джейнс, «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор» [21, с. 50]. По Дж. Джейнсу, понять – это значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного.

Метафора выводит наружу один из парадоксов жизни, состоящий в том, что ближайшая цель того или другого действия (и в особенности творческого акта) нередко бывает обратна его далеким результатам: стремясь к частному и единичному, изысканному и образному, метафора может дать языку только стертое и безликое, общее и общедоступное. Создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом [2].

Процесс метафоризации в пределах фразеологического пространства базируется на общих логических и ассоциативных процессах человеческого мышления. Ассоциации, связанные с мирозерцанием, мироощущением, миропониманием, вызывают в нашем сознании некие синтезированные слуховые, осязаемые, зрительные образы, на основе которых воспринимается обобщенное содержание значения фразеологизмов. Структурированию фрагментов языковой картины мира, воплощенных во фразеологизмах, способствует метафорическое, образное восприятие картины мира. При создании новых значений метафора играет роль узла, связывающего язык, мышление и культуру; роль линзы, обостряющей понимание рассматриваемого понятия. Общее пространство содержит наиболее абстрактные элементы, присущие обоим исходным пространствам, т.е. выступает основанием метафоризации на самом абстрактном уровне. Во вновь созданном метафоризированном фразеологическом пространстве детали исходных пространств «смешиваются» в так называемом «бленде», в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, которая больше не зависит от исходных пространств и получает собственные

потенции к дальнейшему развитию. По метафорическому выражению исследователей М. Тернер и Ж. Фоконье бленд «оживет своей собственной жизнью» [29, с. 137].

Мы придерживаемся мнения Г. П. Складневской и под фразеологической метафорой понимаем «явление вторичной косвенной номинации при сознательном сохранении семантической двуплановости образного элемента» [12, с. 12]. На основе метафоры новое синтезированное понятие получает форму языкового значения: *faire des étincelles* ‘а) из кожи (вон) лезть’; *manquer d'estomac* ‘быть трусоватым’; *avoir bec et ongles* ‘уметь постоять за себя’. Метафора накладывает новую категоризацию на исходный объект, подключая к нему новые импликации [27]. В семантическую структуру метафоры входят два компонента – ее значение (свойство актуального субъекта метафоры) и образ ее вспомогательного субъекта. Метафоризация ведет к полной или частичной замене архисем в семной структуре исходного словосочетания при сохранении его образной структуры.

Метафора не выходит за рамки конкретной лексики, когда к ней прибегают в поисках имени для нового обозначения тех или иных реалий. В этом случае метафора составляет ресурс номинации. Во фразеологической картине мира отмечаются несколько основных направлений процесса метафоризации значения исходных словосочетаний: «человек – природа» (*c'est la mer à boire* ‘это очень трудное дело’, *sens dessus dessous* ‘в беспорядке, кувырком’), «природа – человек» (*cœur d'artichaut* ‘непостоянный человек, ветренник’, *couper la queue à son chien* ‘совершить эксцентричные поступки, чтобы обратить на себя внимание’) и «человек – человек» (*mettre son cœur dans sa tête* ‘уметь подчинять свои страсти, свои желания разуму’, *avoir à cœur de* ‘считать своим долгом’). Таким образом, одним из основных свойств метафоры является её антропоцентричность, которая заключается в соизмерении двух сущностей реального мира «в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений, а вместе с тем и с системой наци-

онально-культурных ценностей и стереотипов» [15, с. 40]. В объяснении возникновения антропоцентричной метафоры лежит идея, предложенная А.А. Потемной, что при рождении метафоры, востребованной для обозначения фактов реальной действительности, знак берется из ближайшего внешнего окружения и внутренней организации (т.е. того прошедшего и отдаленного, которое в данную минуту близко нашей мысли) [9, с. 206]. Это означает, что человек в процессе метафоризации, концептуализируя действительность, обращается к уже концептуализированному образу как наиболее близкому и понятному знаку.

Широкая сфера человеческих отношений, эмоций, оценок, характеристик оказывается охваченной большим количеством (около 80 %) фразеологических единиц. Метафорическое переосмысление исходных словосочетаний фразеологизмов, направленных на характеристику человека, предполагает глубокое внутреннее преобразование значения языковой единицы, сопровождающееся выделением метафорообразующего признака, связанного с переносом значения по сходству:

а) функций: *paquet de linge sale* ‘неряха’, *sac à la malice* ‘хитрая бестия; пройдоха’; *gros paquet* ‘увалень’; *un homme de paille* ‘пешка, раб’. Эти фразеологизмы построены по модели субстантивных словосочетаний, в контексте они выступают в качестве предикативных членов предложения: – *Mais non, vous ne regrettez rien, puisque vous avez obtenu ce que vous désiriez: un homme de paille soumis et timide ...* [23, р. 140];

б) внешней формы: *sage comme une image* ‘очень смирный и послушный, паинька’; *carré en affaires* ‘честный, прямой’; *rond en affaires* ‘сговорчивый, покладистый в делах’; такие ФЕ имеют в своей основе модели адъективных словосочетаний, выполняя в контексте функцию предикативных членов предложения или определения: *Tabac. – Il est bien agréable cet homme-là, pas vrai? Et rond en affaires* [19, р. 86];

в) состояния: *chat échaudé* ‘опытный человек’; *coulant comme du miel* ‘покладистый’; *malade du pousse* ‘1. скупой; 2. ленивый’. В этих примерах метафорический фразеологический образ постро-

ен по модели адъективного сочетания слов АСС, такие фразеологизмы выполняют функцию предикатов: *Vous lui avez dit qu'en France c'est ainsi qu'on avait raison des fonctionnaires... Et qu'après ça je serais coulant comme du miel ...* [26, р. 111];

г) поведения: *il faut que chacun garde sa queue* ‘всякая лиса свой хвост бережет’; *mener qn par le nez* ‘командовать, распоряжаться кем-л.’; *faire le lezard* ‘бездельничать, лентяйничать’. Метафорический фразеологический образ данной группы имеет в основе глагольные словосочетания, такие фразеологизмы выполняют функцию сказуемого: *Musique, lui, de par son caractère, il se caillait la laitance. Ça le faisait plutôt...* [18, р. 89].

Как показывает анализ материала, указанные модели метафорического переноса во фразеологизмах являются наиболее продуктивными в современном французском языке.

В основе образной структуры фразеологической единицы, построенной при помощи метафоризации смысла исходного словосочетания, лежит образная структура семантически опорной лексемы. Образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы лексемы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких «оттенков» смысла. Модус фиктивности предполагает наличие прообраза (уподобляемое) и образа сравнения (уподобляющееся). Для одного образа может существовать целый ряд прообразов. Например, для характеристики решительного человека французы могут использовать различные прообразы: *feu* ‘огонь’, *flamme* ‘пламя’ – *être tout feu / flamme* ‘пылать энтузиазмом; гореть решимостью’; *main* ‘рука’ – *ne pas y aller de main morte* ‘действовать решительно, жестко’; *cuiller* ‘ложка’ – *ne pas y aller avec le dos de la cuiller* ‘действовать решительно, не стесняясь’. При намерении оценить низкие интеллектуальные способности человека в сознании возникают прообразы: *émeri* ‘наждак’ – *être bouché à l'émeri* ‘опилки в голове’; *bête* ‘животное’, *chardon* ‘чер-

тополох' – *bête à faire manger du chardon* 'настолько глупый, что будет есть чертополох', *lettre* 'буква' – *sot en trois lettres* 'стопроцентный кретин', темнота и её признак *sombre* 'мрачный, темный' – *sombre imbécile* 'абсолютный идиот'. Выбор имени прообраза мотивирован его содержательной внутренней формой. Содержательно емкий образ фразеологизма, реализуемый обобщенно-символическим значением слова с его богатой внутренней формой, позволяет закрепить выбор метафорического переосмысления как имени прообраза.

Возникновение образа в сознании объясняется существованием апперцепции – обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека. Таким образом, новое значение исходного словосочетания, полученное в результате метафорического переосмысления в единицу нового уровня, формируется через отношение: а) к «прошлой» мысли, которая служит его смысловой опорой, смысловым знаком, внутренней формой; б) к её «обличью», который выступает как «знак знака», или его внешней формой. Как речемыслительный «эмбрион» и внутренняя программа, внутренняя форма, всплывая на поверхность языкового сознания, становится источником типичных системно нерелевантных ассоциаций, лингвокреативным стимулом оживления целой цепи социально значимых связей, коннотаций и представлений – всей смысловой гаммы образной палитры языкового знака [1, с. 128-137].

Источником создания **внутренней формы** фразеоединицы является префразеологический аспект, или «аспект видения» объекта [5, с. 47], выбранной субъектом для означивания своей мысли, который в структуре внутренней формы в сочетании со смысловым восприятием и интенцией выразить мысль наиболее полно и глубоко, представляет собой когнитивную базу устойчивого выражения. Например, французы используют ФЕ *faire le paon* 'важничать', если возникла потребность выразить такие черты характера человека как заносчивость, высокомерие. Образ павлина (*paon*), по их мнению, высокомерной птицы, наиболее точно подходит для манифестации этой характерологической черты. Префра-

зеологическим аспектом данной ситуации является имеющаяся в национальном сознании информация: павлин вследствие своей походки и внешнего вида с нарядным оперением надхвостья выглядит важно, высокомерно и надменно. Эта информация материализуется в языковой форме в виде атомарного словосочетания *faire le paon* 'важничать', актуализирующее в семантике фразеологизма состояние полного превосходства. *C'est étonnant comme il fait le paon, papa avec cet hôtel* [24, р. 78].

Выбор того или иного фразеологического знака для обозначения ментофакта зависит от того «смыслового света», который падает на него от обозначаемого явления или предмета [6, с. 75]. Этот «смысловой свет» имеет этнокультурное содержание и совмещает в себе: а) не объективированную в знаке часть понятия – когнитивный субстрат значения; б) экстралингвистические знания, расширяющие и углубляющие первичные представления об объекте познания; в) этноязыковые смыслы; г) прагматические смыслы, рожденные в процессе семантических отношений и взаимодействия языковых значений внутри и вне знака.

Идиозтичность внутренней формы фразеологической единицы является результатом сложных когнитивных процессов в переосмыслении семантики всего АСС и опорной лексемы, обладающей символическим значением. Так, во французском языке *main, f* (рука) служит символом свободы и могущества (*avoir la main dessus* 'властвовать над кем-л.', *avoir la main large* 'быть щедрым'); *cœur, m* (сердце) символизирует чувства (*perdre cœur* 'терять мужество', *venir du cœur* 'быть искренним'); *enfant, m* (ребенок) – символ чистоты и искренности (*bon enfant* 'а) добродушный; б) весельчак'; *croire que les enfants naissent dans les choux* 'быть наивным'); *mouton, m* (овца) является символом безволия и глупости (*moutons de Panurge* 'глупые, бессмысленные подражатели'; *être un vrai mouton* 'быть слабовольным'). Опорные компоненты-символы закрепляют в семантике фразеологизмов восприятие предметов и событий, имеющее идиозтический характер.

Человеческое сознание, воспринимая объекты действительности и фиксируя их свойства, отмечает различную манифестацию того или иного признака, различную степень его выраженности и интенсивности проявления. Важным при этом является понимание того, что феномен сознания коррелирует лишь с представлением об объекте, а «не с его реальным бытием» [7, с. 30]. Выбор этносом существенного признака опорного компонента влияет на формирование метафорического фразеологического образа. Признаки могут входить в состав интенционала, содержательного ядра языкового значения (архисем) или импликационала, периферии семантических признаков (дифференциальных сем) [1, с. 106]. Этот момент опирается на национальное сознание, национальный менталитет. Так, в словаре Le Robert P. дается следующее определение слову *singe* 'обезьяна': *Mammifère (primates) caractérisé par une face nue, un cerveau développé, des membres inférieurs plus petits que les membres supérieurs, ou les mains* [25, p. 999]. Из данного определения мы можем вычленить архисемы: «умная»: *on n'apprend à un vieux singe à faire des grimaces* 'ученого учить – только портить', «ловкая»: *adroit comme un singe*. Французские национальные традиции, стереотип французского национального мышления наделяет это животное признаками «строющая гримасы»: *faire les grimaces comme un singe*, «безобразная»: *laid comme un singe*; *avoir l'air de singe botté*, «хитрая»: *malin comme un singe*, которые входят в импликационал французского слова.

Во фразеологических единицах, созданных при участии метафоры, национальная картина мира выражена гораздо ярче, чем в отдельных словах или словосочетаниях, так как метафоризация является тем самым семантическим механизмом, обеспечивающим создание нового понятия и новых знаний.

Таким образом, метафору во фразеологическом пространстве можно рассматривать как:

1) стилистическое средство, например, сниженный стиль способствует манифестации яркого образа, причем такие фразеологические обороты

объективируют различные оттенки значений; 2) средство номинации, например, *tête carrée* 'тупица' ...; 3) способ создания фразеологической картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке понятиями с целью создания новых ментофактов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственных ощущениях; 4) средство создания когнитивной картины мира, поскольку метафора, обусловленная физическим и духовным опытом человека, существует, прежде всего, в виде метафорического «сгустка» информации в человеческом сознании.

Итак, материал исследования показал, что метафора во фразеологической картине мира – это сложная когнитивная структура, представляющая собой не только стилистический элемент языка, но и универсальный познавательный механизм, способ познания мира через ранее познанное. Метафора является одной из наиболее продуктивных способов формирования вторичных наименований. Во фразеологии метафоре свойственны следующие черты: актуализация далеких и неочевидных связей, нераздельность образа и смысла, диффузность значения, допущение разных интерпретаций, устранение мотивировок и разъяснений. Она основана на принципах функционирования слова, компенсирующих отказ от мотивировок единственностью и точностью выбора. Порожденная воображением, метафора всегда – прямо или косвенно – соотносена с действительным миром. Метафора углубляет понимание чувственно воспринимаемой реальности, но не уходит за ее пределы. Фразеологические метафоры позволяют обнаруживать аналогии между различными предметами и явлениями, давая возможность применить знания и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой. Метафора предстает не только как когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия, но и как культурное явление, посредством которого создается фразеологическая картина мира, что открывает новые перспективы исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики : монография / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с. 2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс [Электронный ресурс] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5-32. – Режим доступа: <http://www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/ htm> 3. Архангельский В.Л. Устойчивые фразеологизмы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону : Ростов. ун-т, 1964. – 315 с. 4. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11-26. 5. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект : монография / Н.Н. Кириллова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – Ч. 1: Природа и космос. – 319 с. 6. Лосев А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 269 с. 7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ГНОЗИС, 2003. – 280 с. 8. Москвин В.П. Русская метафора: параметры классификации / В.П. Москвин // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 66-72. 9. Потемня А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потемня. – М. : Высш. шк., 1990. – 344 с. 10. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье; пер. с фр. А.Е. Бочкарева. – Нижний Новгород, 2001. – 368 с. 11. Ричардс А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры. – М., 1990. 12. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. – Санкт-Петербург, 1993. – 159 с. 13. Солодуб Ю.П. Роль словесного комплекса-прототипа в реализации коннотативных возможностей фразеологизма / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 67-79. 14. Солодуб Ю.П. Современный 23. Maupassant G. de. Bel-Ami / G. de Maupassant. – P. : Ed. FAYARD, 1967. – 170 p. 24. Pagnol M. Topaze. Pièce en quatre actes. – Ed. Pastorelly, Monte-Carlo, 1970. – 338 p. 25. Robert P. Dictionnaire du français primordial. – Paris, 1987. – 1211 p. 26. Simenon G. Un crime en Hollande. – Ed. livre de poche, n° 2917. – Paris, 1971. – 250 p. 27. Shore B. Twice-Born, Once Conceived: Meaning Construction and Cultural Cognition. // American Anthropologist. – 1991. – Vol. 93, No. 1, March. – p. 9 – 27. 28. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10. – № 3. 29. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.

© С.А. Моисеева, И.А. Волошина, 2009

УДК: 811.112'42

ЛІНГВОКОГНІТИВНІ МЕХАНІЗМИ КАУЗАЛЬНОГО ПРОСТОРУ

В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харків)

У статті розглядаються лінгвокогнітивні механізми каузального простору на рівні речення, дискурсу, гіпертексту. Наведені колоритні дискурси німецькою, українською та російськими мовами, в яких віддзеркалюються також світобачення, філософія життя носіїв мови.

Ключові слова: концепт, каузальний простір, дискурс, функції, картини світу.

В.Г. Пасинок. Лингвокогнитивные механизмы каузального пространства. В статье рассматриваются лингвокогнитивные механизмы каузального пространства на уровне предложения, дискурса, гипертекста. Представлены колоритные микротексты на немецком, украинском и русском языках, в которых отражаются мировоззрение, философия жизни носителей языка.

Ключевые слова: концепт, каузальное пространство, дискурс, функции, картины мира.

V.G. Pasynok. The cognitive-linguistic mechanisms of causal space. The cognitive-linguistic mechanisms of causal space at the level of sentence, discourse, hypertext are studied in the article. The colourful discourses are given in the German, Ukrainian and Russian languages where the world-view, life philosophy of native speakers are reflected.

Key words: concept, causal space, discourse, functions, wordviews.